

Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики

П. В. Тепляшин

профессор кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России, Россия, 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20;

доцент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, 660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6

В статье на основе исследования европейского опыта исполнения уголовных наказаний предлагается дополнить отечественную уголовно-исполнительную политику рядом принципов, среди которых: 1) синхронизация действующего уголовно-исполнительного законодательства с естественными и неотчуждаемыми правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах; 2) взаимный учет интересов личности, общества и государства; 3) целесообразность, исключая приоритет каких-либо политических целей и конъюнктурного правового конформизма в процессе использования европейского пенитенциарного опыта; 4) системность, предполагающая четко определенную временную последовательность издания и реализации как материальных, так и процедурных норм в сфере обращения с осужденным; 5) соотносимость юридической силы нормативных и подзаконных правовых норм; 6) согласованность, позволяющая избежать дублирование и противоречия между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов. Сквозь призму этих принципов анализируется и критикуется Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Показывается, что не учитывается тенденция роста среди обращений осужденных в Европейский суд по правам человека жалоб, связанных с тем, что установленные режимные требования нарушают ряд конституционных прав этих лиц и положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Обосновывается, что требуется пересмотр отечественных концептуальных основ режима, который в настоящее время продолжает выражать в первую очередь

карательные притязания государства к осужденному лицу. Указывается, что положения Европейских пенитенциарных правил по различным причинам далеко не в полной степени реализуются в западных тюремных системах и поэтому следует их крайне осторожно интерпретировать в законодательных конструкциях уголовно-исполнительного законодательства России. Делается вывод о возможности учета изложенных в статье критических замечаний при разработке Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021-2030 гг.).

Ключевые слова: европейское право, зарубежный опыт, исправительное учреждение, международные стандарты, пенитенциарная идеология, правоприменительная практика, средства исправления, условия содержания.

1. Введение. Принятию Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р, с изм. и доп., вступ. в силу 23.09.2015 (здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 2 октября, 2018. <http://www.consultant.ru>) (далее – Концепция) предшествовало романтическое представление об европейских традициях и опыте исполнения уголовных наказаний. В Концепции постулируется, что расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, международными неправительственными организациями, научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Европейского союза, государств – участников Содружества Независимых Государств и стран дальнего зарубежья предполагает изучение и распространение зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей. Однако данное положение носит крайне декларативный характер, поскольку очевидно, что зарубежный опыт в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей может иметь различный по своему содержанию характер и, соответственно, его «распространение» способно оказать как положительное (прогрессирующее), так и отрицательное (регрессирующее) значение для оптимизации отечественной уголовно-исполнительной системы. Такое утверждение основывается на том факте, что рассматриваемое положение содержится в документе, который выступает идейным ядром уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, что обуславливает особые требования ко всем его правовым предписаниям. Государственные установления, содержащиеся в Концепции, обозначают магистральные и принципиальные направления, формы и методы совершенствования и развития

уголовно-исполнительной системы, ее взаимосвязь с государственными органами и институтами гражданского общества, обеспечивающую функционирование уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года. Именно система путей решения поставленных во II разделе данного документа целей и задач выражает сущность Концепции. Соответственно, все положения документа выражают ведущий замысел оптимизации уголовно-исполнительной системы и комплексно отражают избранный вариант исполнения уголовных наказаний. Следовательно, дальнейшие положения Концепции должны развивать и выражать сформулированные установки. Более того, данные положения материализуют смысл выстроенной системы директив, направленных на достижение поставленных целей и решение закрепленных в Концепции задач.

Необходимо поддержать мнение В.Г. Шевелева о том, что «приоритетные направления реформирования заложены в главных принципах, которые лежат в основе. Эти принципы воплощают в себе понятия гуманности, уважения человеческого достоинства, социальной направленности и эффективности управления, что является определяющим для четкого и эффективного функционирования современной пенитенциарной системы» (Шевелев 2018, 23). Именно принципы формируют стройность правовых предписаний, содержащихся в концептуальных документах, устанавливающих векторы уголовно-исполнительной политики. При этом, позитивным качеством существующей уголовно-исполнительной политики выступает закрепление и развитие в уголовно-исполнительном законодательстве, в судебной и иной правоприменительной практике конституционных принципов, правил и норм международного пенитенциарного права, и положительного опыта обращения с осужденными в зарубежных (в первую очередь европейских) странах. Более того, реализация по сути либеральной реформы уголовно-исполнительного законодательства требует его точного согласования с уголовно-исполнительной политикой. Ведь известный либерализм в сфере обращения с осужденными является во многом результатом влияния европейской пенитенциарной идеологии. Данный тезис подкрепляется и ретроспективными тенденциями функционирования отечественной пенитенциарной системы, изучая которые О.Н. Яковлева и О.И. Мальчук указывают, что при передаче системы мест заключения из ведения Министерства внутренних дел под юрисдикцию Министерства юстиции Российской империи реформаторы исходили из западноевропейского опыта (Яковлева, Мальчук 2017, 11). В свою очередь А.В. Быков постулирует, что «правительство в лице Министерства юстиции и Главного

тюремного управления не просто старалось демонстрировать свою приверженность к передовым достижениям западноевропейской пенитенциарной науки, одной из первостепенных задач было присоединение России к международному пенитенциарному сообществу» (Быков 2015, 29).

В новейшей истории вступление России в Совет Европы и последующая ратификация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод привели к значительным преобразованиям условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и переводу уголовно-исполнительной системы из ведения Министерства внутренних дел Российской Федерации в компетенцию Министерства юстиции Российской Федерации. В последующем заданное движение уголовно-исполнительной системы и законодательства приобрело инертный и нестабильный характер. После пяти лет существования Концепции происходит отказ от стремления повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и переход к весьма абстрактному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. Однако в любом случае международное право и европейское право в своем единстве отражают ценность естественно-правового содержания права. В частности, А. Ашвѳс отмечает, что «единое европейское право обладает большей юридической силой нежели чем национальное право... Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе соблюдения фундаментальных прав человека» (Ashworth 1999, 63).

2. Основное исследование. Сравнительно-правовой анализ европейских пенитенциарных систем позволяет дополнить отечественную уголовно-исполнительную политику рядом интерпретированных принципов: 1) синхронизация действующего уголовно-исполнительного законодательства с естественными и неотчуждаемыми правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах; 2) взаимный учет интересов личности, общества и государства; 3) целесообразность, исключая приоритет каких-либо политических целей и конъюнктурного правового конформизма в процессе использования европейского пенитенциарного опыта; 4) системность, предполагающая четко определенную временную последовательность издания и реализации как материальных, так и процедурных норм в сфере обращения с осужденным; 5) соотносимость юридической силы нормативных и подзаконных

правовых норм; б) согласованность, позволяющая избежать дублирование и противоречия между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов.

Анализ Концепции через призму обозначенных принципов демонстрирует ряд проблемных полей, вскрывающих определенную непоследовательность и противоречивость российской уголовно-исполнительной политики. Однако, прежде всего необходимо обратить внимание на цель Концепции – совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития, которую сложно рассматривать в виде цели, поскольку она должна быть ориентирована на конкретный результат, а не выступать деятельностью. Категория «совершенствование» не предполагает точности соответствующего процесса и тем самым вносит эфемерность последующих мероприятий. Наиболее приемлемым выступает термин «оптимизация», поскольку именно он показывает эффективность и стремление к наилучшему результату при определенных значениях соответствующих показателей: на уровне всей уголовно-исполнительной системы – это, например, объем затрат на её функционирование, на уровне отдельных направлений – это, например, степень снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях.

Концепция закрепляет, что в сфере трудовой деятельности осужденных необходима проработка вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы. Тогда как в соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 - 2025 годы)» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р) «обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства». Подобные разногласия не позволяют в полной степени соблюсти ряд вышеизложенных принципов. В частности, нарушается идея синхронизации действующего уголовно-исполнительного законодательства с естественными и неотчуждаемыми правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах, не создаются должные предпосылки для формирования правового режима труда осужденных, что не способствует разрешению важнейших концептуальных вопросов производственной деятельности исправительных учреждений, трудовой занятости осужденных и индивидуализации

труда как средства исправления. Не случайно рядом авторов отмечается, что при обращении к трудовой деятельности осужденных остаются открытыми вопросы создания и развития пенитенциарной промышленности в России, а это закономерно приводит к проработке вопросов реализации субъективных прав и законных интересов осужденных (Romashov, Timofeeva, Tonkov 2019, 563-569).

Как представляется, подраздел «Обеспечение режима и безопасности» не отражает взаимный учет интересов личности, общества и государства. Так, согласно Правилу 3 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года пенитенциарный режим не должен «усугублять страдания» лиц, изолированных от окружающего мира. В обозначенном подразделе Концепции акцент делается на решение вопросов обеспечения безопасности осужденных через призму режима размещения осужденных в многоместных общежитиях и подходах к разделному содержанию осужденных, что наталкивает на мысль о повышении значимости интересов безопасности в противовес снижению роли режима как средства исправления и как правовой конструкции, закрепленной в ст. 82 УИК РФ. Так, предлагается дифференциация условий содержания осужденных, а в целом, соответственно, и режимных требований. Однако не учитывается тенденция роста среди фактов обращений осужденных в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) по поводу неудовлетворительных условий их размещения и содержания, санитарно-бытового и медицинского обслуживания, применения насилия со стороны администрации исправительного учреждения, удельного веса жалоб, связанных с тем, что установленные режимные требования нарушают ряд конституционных прав этих лиц и, что наиболее симптоматично, положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Например, суть решения ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков (*Anchugov and Gladkov*) против Российской Федерации» (Постановление ЕСПЧ от 4.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (*Anchugov and Gladkov*) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, № 15162/05) (Бюллетень ЕСПЧ 2, 2014)) сводилась к тому, что факт нахождения в местах изоляции от общества не может рассматриваться как основание, предусмотренное ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, для лишения осужденных избирательных прав. В свою очередь Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Хорошенко (*Khoroshenko*) против Российской Федерации» (Постановление ЕСПЧ от 30.06.2015 по делу «Хорошенко (*Khoroshenko*) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) (Бюллетень ЕСПЧ 9, 2015))

пришел к выводу о недопустимости безоговорочного запрета осужденному, отбывающему пожизненное лишение свободы на строгих условиях, длительных свиданий в течение первых десяти лет отбывания наказания, указывая в пункте 148, что «...указанная мера не обеспечивает соблюдения справедливого равновесия между правом заявителя на защиту частной и семейной жизни, с одной стороны, и целями, на которые ссылается государство-ответчик, с другой стороны, а также к выводу о том, что государство-ответчик превысило пределы усмотрения в указанном отношении... Отсюда следует, что имеет место нарушение права заявителя на уважение его личной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции, в результате применения строгих условий в исправительной колонии особого режима в настоящем деле».

Необходимо присоединиться к мнению В.А. Уткина, который аргументировано утверждает, что «предметом разбирательства Европейского суда, в отличие от предыдущих дел, стали уже не «вопросы факта», а «вопросы права». Иными словами, прозвучал «тревожный звонок» и законодателю... показательна тенденция к переоценке ряда принципиальных положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства в части подходов к определению статуса осужденных и дифференциации режима отбывания наказания» (Уткин 2018, 27-28). В свою очередь Г. Кликуенноис с соавторами, исследуя влияние решений Европейского суда по правам человека на национальное пенитенциарное законодательство государств-членов Совета Европы и основываясь на анализе доктринальных источников, пришел к выводу о том, что «судебные решения получили большое значение и влияние на формирование режима тюремных учреждений... заставили пересмотреть отношение к правам осужденных, легитимность принуждения и внесли свой вклад в улучшение условий содержания, а также безопасности заключенных» (Cliquennois, Snacken 2018, 9), возлагаемые на государства позитивные обязательства постепенно ведут к изменениям в юридической, административной, судебной и практической сферах, а также принятию внутреннего национального уголовного и тюремного законодательства, обеспечивающего эффективное соблюдение прав людей, изолированных от общества (Cliquennois, Herzog-Evans 2018, 114-130). Также специалистами, изучающими преторианскую роль Европейского суда по правам человека в укреплении гарантий соблюдения прав заключенных, отмечается, что данный судебный орган достойно выполняет свой мандат защиты прав и свобод лиц, лишенных свободы, такая работа носит реальный и эффективный, а не теоретический

или иллюзорный, характер по соблюдению Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (Díez 2018, 335-361).

Как представляется, не обращать внимание на данную ситуацию в концептуальном разрезе сравни занять бездействующую позицию в деле оптимизации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. В связи с чем требуется соответствующий пересмотр отечественных концептуальных основ режима, который в настоящее время продолжает выражать в первую очередь карательные притязания государства к лицу, совершившему преступление. Более того, предлагаемая в Концепции дифференциация условий содержания осужденных с целью обеспечения выполнения ими установленных правил режима содержания как особое частное правовое установление носит структурно алогичный характер, поскольку такой её элемент как «дифференциация условий содержания осужденных» фактически выступает частью самого режима в исправительных учреждениях и поэтому не может быть направлен на обеспечение непосредственно правил режима содержания. Ведь данные «правила», исходя из смысла ст. 82 УИК РФ, материализуются в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений. Именно установленный порядок исполнения и отбывания лишения свободы, выступая сердцевинной режимом, обеспечивает различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания, но не наоборот.

Важно заметить, что положения Концепции, которая обеспечивает «развитие уголовно-исполнительной системы», не соответствуют принципу целесообразности, поскольку при отказе от первоначального стержневого направления – широкой «тюрьмизации» уголовно-исполнительной системы – данный документ утратил свою «концептуальность». Применительно к сути этого момента В.А. Уткин совершенно точно указывает, что «само понятие «развитие» все же представляется чрезмерно абстрактным, индифферентным и лишенным какого-либо «энергетического» замысла» (Уткин 2018, 94). Соответственно, размываются генеральные установки юридических предписаний, рафинируются представления об обретении уголовно-исполнительной системой и законодательством нового целостного качества, не «прощупываются» целевые показатели (индикаторы) «успешности» действующего акта декларативного характера. Например, одной из задач Концепции как проблемной ситуации на пути достижения поставленных целей выступает «осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической

характеристики осужденного». Вместе с тем, в уголовно-исполнительном законодательстве существует ряд норм, регламентирующих раздельное содержание осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления. В частности, в п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ закреплено, что в колониях-поселениях отбывают наказание в виде лишения свободы лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести. Однако сложно говорить об учете тяжести совершенного преступления уже в процессе отбывания наказания при решении вопросов раздельного содержания осужденных. Ведь «тяжесть совершенного преступления» – категория уголовно-правовая, поэтому в рамках уголовно-исполнительных отношений её значение носит «ретроградный» и в определенной степени уточняющий характер, поскольку исправительное воздействие на осужденного переориентировано на текущих изменениях в его личности. Следовательно, категория «тяжесть совершенного преступления» становится составляющим элементом криминологической характеристики осужденного и утрачивает свою значимость, которой обладала в уголовно-правовых отношениях (в первую очередь при назначении наказания). Учет криминологической характеристики осужденных при осуществлении их раздельного содержания также закреплен в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 9 УИК РФ, средства исправления осужденных, одним из которых является режим, применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. В данном случае «личность» подвергается всестороннему анализу, включая криминологическую характеристику данной категории. Согласно ч. 1 ст. 117 УИК РФ при применении мер взыскания к осужденному к лишению свободы учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного. При этом меры взыскания включают и перевод осужденного в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа. Таким образом, в уголовно-исполнительном законодательстве уже заложены правовые средства раздельного содержания осужденных с учетом криминологической характеристики осужденного, а соответствующее положение Концепции более носит «подтверждающий» смысл, нежели содержит правоустанавливающее предписание.

Вызывает критику соответствие Концепции принципу системности, которая нарушается в рамках содержания самого документа (внутренний аспект) и при его соотношении с нормативными правовыми актами (внешний аспект). Так, в рамках внутреннего аспекта можно привести следующую ситуацию. В частности, в подразделе

«Социальная и психологическая работа с осужденными. Воспитание и образование осужденных» указывается на адаптацию передового зарубежного опыта психодиагностической и психокоррекционной работы. Однако не ясно почему на необходимость использования данного опыта не указывается, например, в подразделе «Трудовая деятельность, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных». Ведь применение данных средств исправления, в частности, в европейских пенитенциарных системах имеет глубокие традиции, оригинальные способы преодоления имеющихся проблем (Rogge et al. 2014, 230-234). Так, в Англии и Уэльсе с 1993 года применяется конкурсная основа рекрутирования педагогов из колледжей и университетов для осуществления профессионального образования и профессионального обучения осужденных. В 2003 году был образован фонд «Образование и профессиональное обучение правонарушителей» (OLASS); с 2012 года используется система предоставления заключенным кредита для оплаты образовательных услуг по третьему (колледж) уровню, часть или вся сумма которого может быть списана за счет вышеуказанного фонда при условии достигнутых высоких результатов в обучении. Как указывает Д. Чернявски, такая модель мотивации к обучению, хоть и является достаточно накладной для налогоплательщиков, безусловно, способствует снижению рецидивной преступности (Czerniawski 2016, 205-207).

С позиций внешнего аспекта необходимо сослаться на следующий пример. Так, в подразделе «Социальная и психологическая работа с осужденными. Воспитание и образование осужденных» закреплена «разработка новых подходов к формированию самодеятельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных, совершенствование правового регулирования их деятельности». Однако наряду с этим концептуальным установлением ст. 111 УИК РФ («Самодеятельные организации осужденных») признана утратившей силу и до сих пор каких-либо конструктивных преобразований в этом направлении не наблюдается. В свою очередь положение о внедрении методов медиации в отношении осужденных так и не получило должной законодательной институционализации.

Также необходимо указать на определенные бреши по реализации в Концепции принципа соотношения юридической силы нормативных и подзаконных правовых норм. Предварительно следует отметить, что для определения юридической силы и, соответственно, степени социальной потребности непротиворечащий закону подзаконный нормативный правовой акт в первую очередь связан именно с законом. Можно говорить о том, что некоторые положения исследуемого документа вызывают

критику как с точки зрения юридической техники, так и правового содержания. Например, в подразделе «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей» в целях обеспечения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предусматривается законодательное регулирование оснований и порядка предоставления свиданий с родственниками и иными лицами посредством видео-конференц-связи или ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» исходя из возможностей уголовно-исполнительной системы. Однако такая формулировка неприемлема для доктринального акта, который не может содержать конкретных юридических предписаний и тем самым не обладая должной юридической силой осуществлять правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений.

Наконец, обнаруживаются проблемы реализации в Концепции принципа согласованности, что выражается в имеющемся дублировании и противоречиях между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов. Так, не ясно какой смысл вкладывается в следующее положение: «уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество. Она не учитывает нынешнее состояние экономики, интеграцию Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными», которое закреплено в I Разделе «Общая характеристика и современное состояние уголовно-исполнительной системы». Представляется, что в условиях финансового кризиса и дефицита бюджетных источников финансирования перспективных инвестиционных проектов, включая развитие производственного сектора, реалистичность данного положения можно поставить под сомнение. Так, А.А. Демичев указывает: «очевиден тот факт, что в экономическом плане Россия отстает от ряда европейских стран, и проблема финансирования уголовно-исполнительной системы является весьма острой» (Демичев 2016, 28).

3. Выводы. Основная проблема концептуального развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов состоит в том, что сначала необходимо определиться с преимущественной моделью отечественной пенитенциарной системы (а здесь мы находимся, по сути, в стадии поиска) и лишь затем осуществлять соответствующий учет, фактически – реализацию международных стандартов обращения с осужденными. При чем важно резюмировать, что рекомендательные по своей сути положения, в частности Европейских

пенитенциарных правил, по причинам не только социально-экономического, но культурно-ментального характера далеко не в полной степени реализуются в западных тюремных системах (Aebi et al. 2015, 427-443) и практике обращения с осужденными в странах Западной Европы (Parrott 2015, 148-164) и поэтому следует крайне осторожно их интерпретировать в законодательных конструкциях уголовно-исполнительного законодательства России.

Как представляется, изложенные критические замечания могут быть учтены в процессе подготовки разрабатываемой в настоящее время Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021-2030 гг.) как политико-правового документа, определяющего основные векторы, идеологию развития и реформирования уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, приведенный материал вскрывает ряд проблем концептуализации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, отражает соответствующие закономерности европейской пенитенциарной идеологии и формирует научные предпосылки дальнейшей оптимизации уголовно-исполнительного законодательства России.

Библиография

- Быков, Андрей В. 2015. «Значение зарубежного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России». *Актуальные вопросы образования и науки* 3-4: 28-34.
- Демичев, Алексей А. 2016. «Европейские пенитенциарные правила и их роль в уголовно-исполнительной политике Российской Федерации». *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика* 2 (8): 25-29.
- Уткин, Владимир А. 2018. «Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: предмет, методология, принципы». *Вестник Кузбасского института* 2: 91-100.
- Уткин, Владимир А. 2018. «Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью». *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление* 4: 26-29.
- Шевелев, Валерий Г. 2018. «Современная реформа уголовно-исполнительной системы: предпосылки, содержание, перспективы, проблемы». *Юрист Юга России и Закавказья* 1: 20-23.
- Яковлева, Оксана Н., Ольга И. Мальчук. 2017. «Правовые основы передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи в конце XIX в.». *Вестник Томского государственного университета. Право* 25: 11-32.
- Aebi, Marcelo F., A. Linde, N. Delgrande. 2015. "Is There a Relationship Between Imprisonment and Crime in Western Europe?" *European Journal on Criminal Policy and Research* 22: 425-446.
- Ashworth, A. 1999. *Principles of Criminal Law*. New York, Oxford: University Press.
- Cliquennois, G., M. Herzog-Evans. 2018. "European monitoring of Belgian and French penal and prison policies". *Crime, Law and Social Change* 70: 113-134.
- Cliquennois, G., S. Snacken. 2018. "European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon?" *Crime, Law and Social Change* 70: 1-18.

- Czerniawski, G. 2016. "A race to the bottom – prison education and the English and Welsh policy context". *Journal of Education Policy* 31-2: 198-212.
- Díez, J.P.S. 2018. "Inmates' rights Caselaw in the European Court of Human Rights". *Revista de Derecho Politico* 102: 333-369.
- Parrott, L. 2015. "Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system". *Post-Soviet Affairs* 31-2: 136-175.
- Rogge, N., R. Simper, M. Verschelde, M. Hall. 2014. "An analysis of managerialism and performance in English and Welsh male prisons". *European Journal of Operational Research* 241: 224-235.
- Romashov, R., E. A. Timofeeva, E. N. Tonkov. 2019. "Prison Industry: Economy, Law and Information and Communication Technologies" In *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*, Elena G. Popova and Victoria N. Ostrovskaya eds., 563-572. New York: Springer International Publishing.

Статья поступила в редакцию __ ____ 2019 г.,
 рекомендована в печать __ ____ 2019 г.

Контактная информация:

Павел Владимирович Тепляшин – кандидат юридических наук, доцент;
pavlushat@mail.ru

UDC 343.81: 341.491

Concept of the development of the penitentiary system of Russia in the context of the interpreted principles of the European penitentiary practice

P. V. Teplyashin

Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rokossovskogo str., 20, Krasnoyarsk, 660131, Russia;
 Associate Professor of the Delictology and Criminology Department, Law Institute of Siberian Federal University, Maerchaka str., 6, Krasnoyarsk 660075, Russia

In the article, on the basis of the study of the European experience in the execution of criminal penalties, it is proposed to supplement the national criminal-penal policy with a number of principles, among which, in particular, mutual consideration of the interests of the individual, society and the state; the expediency which excludes the priority of legal conformity in the process of using foreign penitentiary experience; coherence which allows to avoid contradictions between national and international law in terms of social and economic

possibilities for the implementation of humanitarian standards. The concept of the development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020 is analyzed and criticized from the perspective of these principles. It is shown that the trend of growth among complaints of convicted to the European Court of Human Rights related to the fact that the established regime requirements violate a number of constitutional rights of these persons and the provisions of The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950 is not taken into account.

It is substantiated that a revision of the domestic conceptual foundations of the regime is required, which continues to express primarily the punitive claims of the state to the convicted person. It is stated that the provisions of the European Prison Rules for various reasons are not fully implemented in Western prison systems and therefore should be extremely carefully interpreted in the legislative structures of the correctional law of Russia. It is concluded that it is possible to take into account the criticisms set forth in the article when developing the Concept for the modernization of the penitentiary system (2021-2030).

Keywords: European law, foreign experience, correctional institution, international standards, penitentiary ideology, law enforcement practice, remedies, conditions of detention.

References

- Aebi, Marcelo F., A. Linde, N. Delgrande. 2015. "Is There a Relationship Between Imprisonment and Crime in Western Europe?" *European Journal on Criminal Policy and Research* 22: 425-446.
- Ashworth, A. 1999. *Principles of Criminal Law*. New York, Oxford: University Press.
- Bykov, Andrey V. 2015. "The value of foreign experience to improve the activities of the penitentiary system of Russia". *Aktual'nye voprosy obrazovaniia i nauki* 3-4: 28-34. (In Russian)
- Cliquennois, G., M. Herzog-Evans. 2018. "European monitoring of Belgian and French penal and prison policies". *Crime, Law and Social Change* 70: 113-134.
- Cliquennois, G., S. Snacken. 2018. "European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon?" *Crime, Law and Social Change* 70: 1-18.
- Czerniawski, G. 2016. "A race to the bottom – prison education and the English and Welsh policy context". *Journal of Education Policy* 31-2: 198-212.
- Demichev, Alexey A. 2016. "European penitentiary rules and their role in the penal policy of the Russian Federation". *Penitentsiarnoe pravo: iuridicheskaia teoriia i pravoprimeritel'naia praktika* 2 (8): 25-29. (In Russian)
- Díez, J.P.S. 2018. "Inmates' rights Caselaw in the European Court of Human Rights". *Revista de Derecho Politico* 102: 333-369.
- Parrott, L. 2015. "Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system". *Post-Soviet Affairs* 31-2: 136-175.
- Rogge, N., R. Simper, M. Verschelde, M. Hall. 2014. "An analysis of managerialism and performance in English and Welsh male prisons". *European Journal of Operational Research* 241: 224-235.
- Romashov, R., E. A. Timofeeva, E. N. Tonkov. 2019. "Prison Industry: Economy, Law and Information and Communication Technologies" In *Perspectives on the Use of New*

- Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. Elena G. Popova and Victoria N. Ostrovskaya eds., 563-572. New York: Springer International Publishing.
- Shevelev, Valery G. 2018. "Modern reform of the Criminal-Executory System: background, content, perspectives, problems". *Iurist Iuga Rossii i Zakavkaz'ia* 1: 20-23. (In Russian)
- Utkin, Vladimir A. 2018. "The concept of modernization of a penal correction system: subject, methodology, principles". *Vestnik Kuzbasskogo instituta* 2: 91-100. (In Russian)
- Utkin, Vladimir A. 2018. "The Mode of Imprisonment and the Legal Status of the Sentenced: between Penalty and Safety". *Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* 4: 26-29. (In Russian)
- Yakovleva, Oksana N., Olga I. Malchuk. 2017. "The legal basis for the transfer the penal system to the jurisdiction of the Ministry of Justice of the Russian Empire at the end of the XIX century". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 25: 11-32. (In Russian)

Received
Accepted

Author's information:

Pavel V. Teplyashin - Candidate of Law Sciences (PhD), Associate Professor;
pavlushat@mail.ru